

ОДА ПУШКИНА “ВОЛЬНОСТЬ”: ФРАНЦУЗСКИЕ КОНТЕКСТЫ

© 2011 г. Д. П. Ивинский

Статья посвящена анализу тех французских литературных и исторических контекстов оды Пушкина “Вольность”, которые необходимы для адекватной интерпретации наиболее сложных фрагментов ее текста. В частности, исследуются различные аспекты темы Клио, обращением к которой открывается стихотворение, реминисценции из трагедии Франсуа Ренуара “Тамплиеры”, а также события Аахенского конгресса, которые нашли отражение в заключительной строфе оды.

The article presents an analysis of French literary and historical contexts of Pushkin’s “Ode to Liberty” which is necessary for an adequate interpretation of most difficult points of the text. It deals, in particular, with various aspects of the theme of Clio with an address to whom the poem opens, with echoes of “Les Templiers”, a tragedy by François Renouir, as well as with events of the Aachen Congress that are reflected in the last stanza of the ode.

Ключевые слова: история литературы, пушкиноведение, русско-французские литературные отношения, история, политическая ода.

Key words: history of literature, Pushkin studies, Russo-French literary relations, history, political ode.

Французские контексты и подтексты пушкинской оды исключительно многообразны, сложны для понимания как в своей совокупности, еще не установленной (мы до сих пор не знаем, какую систему они образуют), так и в своей индивидуальной смысловой выразительности. Но есть основания утверждать, что они, при всей их трудноуловимости, малопонятности, закрытости для нас, образуют, как минимум, четыре смысловых поля, постоянно пересекающихся друг с другом (закономерности этих пересечений еще только предстоит выявлять).

Во-первых, это литературная традиция, прежде всего традиция политической поэзии; в этом поле топика французской поэзии XVIII–начала XIX в. “встречается” с русской политической поэзией того же периода, в частности с некоторыми мотивами од Радищева, Державина, Капниста и др. Но это взаимодействие раскрыто и осмыслено лишь отчасти, а потому в целом остается в затемненном пространстве литературных отношений России и Франции, напоминая лишний раз о том, что пушкинская ода – “закрытый” текст.

Во-вторых, это французская историософия, выдвигающая идеи законности и естественного права, и сочетающаяся с ней мистическая тема, связанная с темой революции и, некоторым образом, с ее гностическими, в частности тамплиерскими, подтекстами.

В-третьих, это исторический контекст, привлекаемый Пушкиным вполне прямолинейно в

одних случаях (казнь Людовика XVI, убийство Павла I) и, в других, с помощью сложной системы подразумеваний, до конца опять-таки не изученной.

В-четвертых, это античная мифология в ее французской интерпретации.

Все эти контексты значимы не только и, можно предположить, не столько на уровне так называемых “заимствований”, “цитат”, “реминисценций”, сколько как элементы единого пространства литературной культуры пушкинской эпохи, пересекающегося с идеологическим и в точках этих пересечений порождающего некоторые специфические мотивации отбора как отдельных мотивов, так и принципов соотнесения друг с другом целых литературных традиций.

“Гроза царей”

Французские литературные подтексты оды “Вольность” в ряде случаев сочетаются не только с русскими, но и с античными. В первую очередь это относится к знаменитому пассажиру из середины первой строфы; напомним:

Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? –
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру... [1, т. 2, кн.1, с. 45]

Речь здесь идет о Клио, музе истории. Во-первых, обращение к Клио мотивировано жанром

произведения: перед нами ода, построенная на историческом материале, и ее автор, обращаясь к нему, с необходимостью должен был апеллировать именно к музе истории. Во-вторых, “расшифровка” данного фрагмента первой строфы содержится в самом тексте оды, в строфе десятой, где тиран слышит “Клии страшный глас”, приговаривающий его к проклятию поэтов и народов. Клио, таким образом, выступает здесь именно в заявленном ранее амплуа “грозы царей”, приобретая, может быть, некоторое сходство с Немезидой, богиней мщения (ср.: [2, с. 106]).

Ближайшими контекстами образа Клио в оде “Вольность” являются не произведения Геродота, Гесиода или Аполлодора, а сочинения французских поэтов XVIII века, последовательно расширявших границы литературной свободы в обращении с музами, а вместе с тем, что представляется более важным, выдвигали устойчивые модели осмысления темы, быстро усваивавшиеся русскими поэтами, в том числе Пушкиным, иногда пытавшимся их переосмыслить, порой радикально, но никогда не терявшим их из своего поля зрения.

Отметим прежде всего, что к Клио не только апеллировали от случая к случаю, к ней обращали послания, как поступил, например, Пьер-Клод Нивелль де ла Шоссе (Chaussée) (1692–1754), чье “Послание к Клио” [3] неоднократно перепечатывалось, в том числе в собрании его сочинений, первое издание которого этим стихотворением, по существу небольшой поэмой, открывалось (см.: [4, t. 1, p. 2–25; 5, t. 1, p. 1–24]; см. также: [6, t. 5, p. 144–176; 7, t. 5, p. 145–176] и другие переиздания) и в составе альманахов и сборников (см., например: [8, t. 4, p. 207–238]).

В этом стихотворении все складывалось благополучно: храмом исторической памяти и, вместе с тем храмом Клио, объявлялся Лувр, а история европейской цивилизации от Трои до Людовика XV осмыслялась как устремленная к вечности, которую открывает ей и поэту муза истории; здесь нет ничего, что могло бы напомнить о пушкинской песне проклятия, которую Клио возгласит над другим замком, Михайловским. Для нас же сейчас существенно, что у Шоссе, поэт очень хорошо образованного, Клио, в соответствии с давней традицией, восходящей к Аристотелю, наделяется ответственностью не только за судьбы исторических лиц, но и за судьбы литературных произведений, которые устанавливают образы истории и воплощают в слове приговоры Клио, принадлежащие, таким образом, не только Ис-

тории, но и Поэзии; именно из этой концепции исходит в своей оде Пушкин¹.

Из французской поэзии Пушкин усваивает представление о связи темы Клио с мотивом славы. Вспомним, например, небольшое стихотворение Пьера-Антуана-Огюстена де Пииса (Piis) (1755–1832), озаглавленное “Сожаления Клио и Славы: Ода о военной кампании 1806 г.” [10, p. 225–226]; здесь Клио апеллирует к войскам Наполеона, к Славе и к Богу (есть сильное подозрение, что к иудео-христианскому), рассуждая о новой эпохе в истории человечества, которая будет запечатлена в храме памяти; при этом древняя эмблема Клио, по словам Славы, меняется, превращаясь во французский герб. Эта связь тем Клио и Славы в пьесе Пииса, конечно, не является случайной: перед нами сознательная дань традиции (см.: [11, t. 1, pt. 1, p. 10]), которой Пушкин следовал и в других случаях²: в третьей строфе его оды упоминается “к славе роковая страсть”. Другое дело, что он эту связь существенно ослабляет: ему ведь нужно, чтобы его Клио (“Клия”) не только прославляла, но и грозила и проклинала (в этой связи существенно, что эта *роковая страсть к славе* в принципе может истолковываться не только в нейтральном, но и в негативном ключе: ведь у Пушкина рядом со страстью к славе восседает “рабства грозный гений” [1, т. 2, кн. 2, с. 46]).

Во французской поэзии, наконец, Пушкин нашел для своей оды отсутствующий в античных источниках мотив громкого голоса Клио, который возвещает судьбы монархов и династий. В этой связи назовем хотя бы стихотворение Николя-Луи Франсуа де Нёфшато (Neufchâteau) (1750–1828) “Четыре династии или история Франции: Ода к Клио” [12, p. 15–23]. Здесь Клио наделяется голосом, пронзающим тьму веков, а вместе с тем и способностью запечатлевать столь быстро прерывающиеся жизни поэтов и династий в принадлежащем ей храме памяти; но при этом, полагает автор, ей придется смириться с бессмертием империи Наполеона, возникновение которой завер-

¹ Такое понимание роли и призвания Клио характерно для русской традиции вообще; ср., например, у С.П. Шевырева, стремившегося эту традицию обобщить: “Клио и Урания, История и Астрономия, приняты в число муз: первая, как хранительница материалов Поэзии, вторая, как Муза неба, откуда первое начало самого искусства. Клио представляет земное, Урания небесное достояние этого мира идеального. Клио только до половины открывает свой свиток: не значит ли это, что не вся История принимается в мир Поэзии?” [9, с. 14–15].

² Так, в трагедии “Борис Годунов” он вложил в уста Самозванца латинскую поговорку “Musa gloriam coronat, gloriaque musam” (1, т. 7, с. 54).

шает и одухотворяет всю историю объединенной волей великого человека Европы, наследующей Великой римской империи.

Все это – общие места официальной поэзии наполеоновского времени, образующей достойный внимания историков литературы фон той части литературного сознания Пушкина, которая принадлежала политической поэзии. Этот фон воспринимался им иронически или даже презрительно-неприязненно и, в сущности, никогда не предполагал “прояснения” до того уровня, на котором становятся различимы индивидуальные творческие манеры, отдельные авторы, стили и тексты (исключения, по-видимому, были, но не имели существенного значения). Глубокое внутреннее отталкивание от этой литературной продукции, от этого фона привело, в частности, к тому, что ее основные темы в оде “Вольность” предстали с обратным знаком: Россия, как некогда Франция, с ней соотнесенная в оде, ассоциировалась с Римом, но Россию представлял Павел, а Рим – Калигула; Наполеон проклинался, объединение монархов (“царей”) мыслилось возможным на почве Закона, а не личной воли.

Но были в пушкинской оде иные, еще менее различимые, но более важные смыслы.

Жак де Моле и Ренуар

На значение тамплиерского подтекста оды “Вольность” впервые указал Ю.М. Лотман, комментируя восьмую строфу [13, с. 659], в которой Людовик XVI именуется “мучеником ошибок славных” [1, т. 2, кн. 1, с. 46]; эти “ошибки” в том специфическом идеологическом контексте революции, о котором подробно писал еще аббат Огюстен Баррюэль (Barruel) (1741–1820) [14, т. 2, р. 372–403] (см. также русский перевод: [15]; библиографию его трудов: [16]) и, менее обстоятельно, но не менее выразительно, Шарль-Луи Каде де Гассикур (Cadet de Gassicourt) (1769–1821) [17; 18], ассоциировались с разгромом ордена тамплиеров и казнью Жака де Моле, его последнего великого магистра (см. об этом: [19–21]).

Но тогда пушкинская филиппика в адрес неназванного “самовластительного злодея” в следующей строфе (“Самовластительный Злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу” [1, т. 2, кн. 1, с. 47]) предстает как вариация на сильно мифологизированную эпохой предреволюционной французской конспирации тему проклятия Жака де Моле, который перед казнью пред-

сказал скорую смерть своим гонителям, королю Филиппу Красивому и папе Клименту V³. Этого мало: упоминание о *славных ошибках* перекликается со знаменитым пассажем в строфе второй о “возвышенном галле”, которому Клио “среди славных бед” “внушала” “гимны смелые”, по “благородному следу” которого в свой собственный путь отправляется автор оды “Вольность”, смело возглашающий проклятие тиранам. Так появляется серьезное основание отождествить “возвышенного галла” с Моле, а эти *гимны смелые* интерпретировать как напоминание о псалмах, которые пели горящие на кострах тамплиеры: здесь Поэзия не просто сочетается с Историей, но и желает для себя и свободы высшей, мистической санкции (подробнее см.: [2, с. 103–106]).

Ближайшим литературным подтекстом этой темы пушкинской оды стала трагедия Франсуа-Жюста-Мари Ренуара (Raynouard) (1761–1836) “Тамплиеры”, которая была напечатана в 1805 г. с приложением значительного числа исторических свидетельств о процессе над тамплиерами [22]; см. также: [23; 24]; тогда же увидел свет своего рода исторический комментарий к этой трагедии, посвященный процессу тамплиеров [25].

В 1813 г. Ренуар издает свой исторический труд на ту же тему [26], который был замечен русскими либералистами, и через два года Н.И. Тургенев, в доме и под влиянием которого будет написана ода “Вольность”, выписывает из него фрагменты, рассказывающие о ритуале приема в общество тамплиеров новых “братьев” [27, с. 284], имея в виду, очевидно, не одно историческое, но и вполне практическое значение обряда.

В трагедии Ренуара, значимость которой для текста элегии “Андрей Шенье” была показана В.Э. Вацура [28], содержится ряд пассажей, проливающих дополнительный свет на отдельные места оды “Вольность”.

Так, в своем заключительном монологе Филипп Красивый, усомнившийся в виновности своих жертв, обращается к Богу с мольбой о спасе-

³ Как представляется, именно в этом контексте должны рассматриваться возможные ветхозаветные параллели к данному месту оды “Вольность”, в частности о реминисценциях из 108-го псалма, см., например: [36, с. 498]. Впрочем, на наш взгляд, проблема отношения пушкинского текста к сакральным “источникам” далека от удовлетворительного решения: задолго до Пушкина в русской поэзии сложилась богатая традиция работы с ними, до сих пор недостаточно изученная, и мы очень мало знаем о пушкинском ее восприятии, и почти ничего – о пушкинских методах ее литературной обработки.

нии народа и династии (“трона”), которая первыми зрителями и читателями трагедии должна была восприниматься как напоминание о хорошо памятных им событиях недавнего прошлого, т.е. о казни Людовика XVI, массовом терроре и других бедствиях, обрушившихся на народ Франции:

Etaient-ils innocents ?.. Ce doute fait Horreur.
Grand Dieu! si j'ai commis une funeste erreur,
Je ne demande pas que ta bonté pardonne:
Frappe-moi, mais épargne et mon peuple et le trône.
[22, p. 100]

(Они были невиновны?.. Эти сомнения ужасны.
Великий Боже! Если я совершил роковую ошибку,
Не молю Тебя о великодушном прощении:
Рази меня, но пощади и мой народ, и трон).

Пушкин, отметив, что последствия “славных ошибок” Филиппа были поистине ужасными, и у Истории не нашлось милосердия ни для короля-мученика Людовика XVI, ни для его “народа” (“галлы” оказались “скованы” и преданы во власть “злодею”), радикализирует миф о проклятии и, обыгрывая последний стих данного фрагмента, заявляет о своей ненависти к тирану, кем бы он ни был, и к его потомкам (“Тебя, твой трон я ненавижу” [1, т. 2, кн. 1, с. 47]) и предрекает гибель и ему, и его детям. Здесь же обнаруживается дополнительная переключка: “роковой ошибке” французского короля, выведенного на сцену Ренуаром, соответствуют “славные ошибки” французских королев в оде Пушкина.

Второй фрагмент. О тамплиерах, возведенных на костер, у Ренуара говорится:

Ces braves chevaliers ne se démentent pas.
On ne les voyait plus; mais leurs voix héroïques
Chantaient de l'éternel les sublimes cantiques.
Plus la flamme montait, plus ce concert pieux
S'élevait avec elle et montait vers les cieux. [22, p. 99]

(Эти смелые рыцари не впали в безумие.
Они не кричали, но своими героическими голосами
О вечности пели возвышенные гимны.
Пламя поднималось выше, и громче звучало
набожное пение,
Оно усиливалось вместе с пламенем и возносилось
к небесам).

Пушкин сохраняет эпитет “возвышенный” (“sublime”), но прилагает его не к “гимнам”, а к поющему их; и наоборот, эпитет “смелые” (“braves”), в оригинале относившийся к тамплиерам, в оде “Вольность” был отнесен к “гимнам”: сокращение и перестановка отдельных элементов, как известно, были для него основными приемами работы с источниками.

Тамплиерский “каркас” осложняется у Пушкина обращением к отдельным элементам стиля французских поэтов революционной эпохи, но мы не найдем здесь ни иерархии источников, ни игры цитат: предпочтительнее вновь говорить о литературном фоне, в котором обретают свое место и Клод Жозеф Руже де Лилль (Rouget de Lisle) (1760–1836) с его “Марсельезой” [29, с. 79–81; 30, с. 184–185, 199–200]; (см. также: [31, с. 92–93, 101–105]), и, вероятно, Понс Дени Экушар Лебрен (Écouchard Lebrun) (1729–1807) [32, с. 70–72; 33; 34, с. 315–359; 35, с. 157–159], и, не исключено, Мари-Жозеф Шенье (Chénier) (1764–1811) (данную версию одно время рассматривал М.А. Цявловский, см.: РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 260. Л. 21), и даже Андре Шенье (1762–1794). В этом отношении показательны списки пушкинской оды, сохранившие особенности ее восприятия современниками: скажем, в списке М.А. Корфа фигурирует Лебрен, в так называемой “тетради М.Н. Лонгинова – С.Д. Полторацкого” – и Андре Шенье, и Руже де Лилль, в списке, принадлежавшем П.А. Ефремову, – Андре Шенье [36, с. 490]; как представляется, эти версии не исключают, а дополняют друг друга, это именно фон, нужный для активизации литературной и исторической памяти.

“И днесь учитесь, о цари!”

Политическая ода – всегда стихотворение на случай, а потому неизбежно возникает вопрос, как именно сложная идейная структура пушкинской оды относилась к его современности, и какие именно ее идеологические, общественные, политические аспекты побудили его воскрешать призраки, тревожившие сердца не только “под царскою парчой”.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего сделать выбор между двумя дискуссионными датировками “Вольности”: 1817 или 1819 годом. Мне представляется правильной датировка оды второй половиной декабря – первыми числами января 1819 г. (см. об этом: [37]).

Теперь, имея в виду эту датировку, вспомним текст заключительной строфы оды “Вольность”:

И днесь учитесь, о цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни страх темниц, ни алтари –
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой!

[1, т. 2, кн. 1, с. 47–48].

В самом деле, с чем было связано это, на первый взгляд, неадекватное и даже нелепое, обращение к *царям*? Дань традиции политической поэзии? Литературная игра? Опыт личной активизации в пространстве крепнущего заговора? Вероятно, и то, и другое, и третье. Но почему он захотел играть именно в *эту* игру? И кого в первой строфе, перекликающейся с этой заключительной, он называет *тиранами мира*? Далее: о каких *наказаниях* и *наградах* идет речь? И с чего бы вдруг *царям* беспокоиться об *оградах*? Что или кто угрожает им? И почему поэт решает напомнить об этих угрозах и фактически повторить их?

Я вижу один ответ на все эти вопросы: перед нами отклик Пушкина на решения Аахенского конгресса, состоявшегося осенью 1818 г. и ставшего началом новой политической эпохи.

Он “обращается” с поучением (или даже с предупреждением) к европейским монархам, заявившим на конгрессе о намерении противостоять распространению разрушительных идей, уже угрожавших тронам. Таким образом, эта “умеренная”, как казалось иногда комментаторам, строфа на деле оказывалась едва ли не наиболее радикальной во всей пьесе: здесь либеральный поэт вторгнулся в сферу реальной политики и заявлял о своем неприятии всей программы европейской безопасности, которая была сконструирована на конгрессе.

В Аахене обсуждался вывод оккупационных войск из Франции и “охранение” “внутреннего спокойствия” европейских государств от “гибельных следствий нового революционного потрясения” (тексты официальных документов, согласованных на конгрессе: [38, т. 35, с. 576–582; 39, т. 7, с. 291–328]) (существенным идеологическим контекстом этого обсуждения стала брошюра Стурдзы о брожении либеральных умов в германских университетах [40]), а финал конгресса был омрачен раскрытием политического заговора, составившегося для того, чтобы захватить Александра I, отправлявшегося во Францию, и вынудить его (в случае отказа – убить) подписать декларацию об освобождении Наполеона и о возведении на французский престол его сына с одновременным учреждением регентства под эгидой имп. Марии-Луизы (подробный рассказ о заговоре и заговорщиках, с публикацией документальных свидетельств см.: [41]; см. также: [42, т. 4, с. 124, 463]).

Итак, у Пушкина были основания озаботиться судьбой *тиранов мира*, т.е. европейских монар-

хов, составивших Священный союз, были основания обрушиться с патриотической филиппикой на Наполеона, которого обычно отождествляют с *самовластным злодеем* из восьмой строфы оды “Вольность”, и его “детей” (вне аахенского контекста такое отождествление и, тем более, это упоминание о “детях” выглядит немотивированным, а применительно к 1817 г. откровенно нелепым). И были основания заявить царям об исторической бесплодности репрессий, о том, что еще недавно исторический резонанс разгрома ордена тамплиеров и казни Жака де Моле уничтожил Францию, о том, что в России возмездие еще недавно настигло русского Калигулу, а вместе с тем и о том, что *страшный глас Клии* уже готовится возвещать новые либеральные приговоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин [А.С.] Полное собрание сочинений. В 17 т. [М.; Л.:] Изд-во АН СССР, 1937–1959.
2. Ивинский Д.П. Жак де Моле и муза истории: Из комментария к оде А.С. Пушкина “Вольность” // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. [М.:] Изд-во Московского ун-та. 2006. № 6. С. 101–110.
3. Epitre de Clío, a Monsieur de B***: Au Sujet des nouvelles Opinions repandües depuis peu, contre la Poësie. Paris: Foucault, 1732.
4. Oeuvres de Monsieur de la Chaussée, De l'Académie Française: Nouvelle édition. corrigée & augmentée de plusieurs Pièces qui n'avoient point encore paru: T. 1–3. Paris: Prault, 1741.
5. Oeuvres de Monsieur de la Chaussée, De l'Académie Française: T. 1–5. Amsterdam: Aux dépens de la Compagnie, 1757–1763.
6. Oeuvres de Monsieur de la Chaussée, De l'Académie Française: Nouvelle édition. corrigée & augmentée de plusieurs Pièces qui n'avoient point encore paru: T. 1–5. Paris: Prault, 1762.
7. Oeuvres de Monsieur de la Chaussée, De l'Académie Française: Nouvelle édition. corrigée & augmentée de plusieurs Pièces qui n'avoient point encore paru: T. 1–5. Paris: Charpentier, 1763.
8. Petite Encyclopédie poétique, ou Choix de poésies dand tous les Genres, par une Société de Gens de Lettres: T. 1–16. Paris: Capelle et C-ie, 1804–1810.
9. Шевырев С.[П.] Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: Сочинение, писанное на степень Доктора Философского Факультета первого Отделения, Адъюнктом Московского Университета Степаном Шевыревым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836.

10. Almanach des Muses pour MDCCCVII. Paris: Louis, 1807.
11. L'Antiquité expliquée et représentée en Figures: Par Dom Bernard de Montfaucon, Religieux Bénédictin de la Congrégation de S. Maur.: Seconde édition, revue et corrigée: T. 1–5. Paris: Chez Florentin Delaulne, La Veuve d'Hilaire Foucault, Michel Closier, Jean-Geoffroy Nyon, Etienne Ganeau, Niclas Gosselin et Pierre-François Giffart, 1722.
12. Nouvel Almanach des Muses pour l'an grégorien 1808: Septième année: Imprimerie de Brasseur Ainé. Paris: Capelle et Renard, 1808.
13. Лотман Ю.М. Примечания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука. 1987 (<серия> “Литературные памятники”). С. 613–694.
14. Barruel [Augusten] M. l'Abbé. Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme: T. 1–4. Hambourg: Fauche, 1798.
15. [Барюэль А.] Волтерианцы, или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. С французского последнего, исправленного и вновь умноженного издания: Ч. 1–12. М.: В тип. С. Селивановского; В губернской тип. А. Решетникова, 1805–1809.
16. Riquet Michel. Augustin de Barruel: un jésuite face aux jacobins francs-maçons (1741–1820). Paris, Vaucluse, 1989.
17. Tombeau de Jacques Molai, ou le Secret des Conspirateurs, à ceux qui veulent tout savoir: Oeuvre posthume de C. L. C. G. D. L. S. D. M. B. C. D. V. C. L. Paris: Marchands de Nouveautés, [1796].
18. Le Tombeau [...], ou Histoire secrète et abrégée des Initiés anciens et modernes, des Templiers, des Franc-Maçons, des Illuminés, etc.: Second édition. Paris: Desenne, [1797].
19. Demurger Alain. Jacques de Molay: La Crépuscule des Templiers. Paris: Payot & Rivages, 2002.
20. Гу Фо. Дело тамплиеров / Пер. с франц. Е.В. Чудиновой. СПб.: Евразия, 2004.
21. Théry Julien. Procès des templiers // Dictionnaire européen des ordres religieux militaires: Dir. N. Bériou, Ph. Jossierand. Paris: Fayard, 2008. P. 743–750.
22. Les Templiers, Tragédie: Par M. Raynouard: Représentée pour la première fois sur la Théâtre Français par les Comédiens ordinaires de L'Empereur. le 24 floréal an XIII (14 mai 1805): Précédée d'un précis historique sur les Templiers. Paris: Giguet et Michaud, 1805.
23. Les Templiers, Tragédie: Par M. Raynouard: Représentée pour la première fois sur la Théâtre Français par les Comédiens ordinaires de L'Empereur. le 24 floréal an XIII (14 mai 1805): Précédée d'un précis historique sur les Templiers. Paris: Giguet et Michaud, 1806.
24. Les Templiers, Tragédie: Par M. Raynouard [...], suivie de l'Extrait de la tragédie espagnole des Templiers, par Perez de Montalban, avec le portrait du grand maître. Paris: Batillot, 1825.
25. [Pissot Noël-Laurent.] Procès et Condamnation des Templiers, d'après les Pièces originales et les Manuscrits du tems: Servant d'introduction à la Tragédie des templiers, par M. Raynouard. Paris: Gervais et Maison, 1805.
26. Monumens historiques, relatifs à la condamnation des chevaliers du temple, et à l'abolition de leur ordre: par M. Raynouard. Paris: D'Adrien Égron, 1813.
27. Архив братьев Тургеневых: Вып. 1–6 / Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1911–1921.
28. Вацуро В.Э. Пророчество Андрея Шенье // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. С. 84–91.
29. Оксман Ю.Г. А.В. Кольцов и тайное “Общество независимых” // Ученые записки Саратовского ун-та: Т. 20: Вып. филол. Саратов, 1948. С. 79–81.
30. Оксман Ю.Г. От “Капитанской дочки” к “Запискам охотника”: Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1959.
31. Азадовский Марк, Оксман Юлиан. Переписка: 1944–1954 / Изд. подготовил Константин Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
32. Томашевский Б.В. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования: Вып. 28. Пг.: 1917. С. 56–72.
33. Томашевский Б.В. Пушкин и французская революционная ода (Экушар Лебрен) // Известия АН СССР: Отделение лит. и яз. 1940. № 2. С. 25–55.
34. Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель, 1960.
35. Томашевский Б.В. Пушкин: Кн. 1: 1813–1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
36. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Наука, 2004.
37. Ивинский Д.П. Ода А.С. Пушкина “Вольность”: Источники текста // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2006. № 1. С. 47–69.
38. Полн. собр. законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собр. первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–46. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1830.
39. Собр. трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: По поручению

- Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс, профессор Имп. СПб. ун-та. Т. 1–15. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения; Тип. А. Бенке, 1874–1909.
40. *Лямина Екатерина*. Новая Европа: мнения “деятельного очевидца” (А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов) // *Россия / Russia: Новая серия* под ред. Н.Г. Охотина. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII–начало XX века / Сост. Н.Н. Мазур. М.; Венедия, 1999. С. 135–157.
41. Notice historique sur le complot formé contre L’Empereur Alexandre: Avec les Portraits des Conspireurs et des Détails sur la Procédure. Paris: Sétier, 1819.
42. *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 1–4. Изд. второе. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897–1898.